

RU

## Нарративные стратегии в стихотворении И. Бродского «Он знал, что эта боль в плече...»

Богданова О. В., Баранова Т. Н.

**Аннотация.** Статья посвящена сюжетно-композиционному, проблемно-тематическому, ритмико-звуковому анализу стихотворения И. Бродского «Он знал, что эта боль в плече...» (1964), которое прежде не подвергалось литературоведческому анализу, чтобы осмыслить категории я-героя и он-героя. Авторы исследования ставят перед собой научную цель - проследить поэтические особенности повествовательных стратегий стихотворения «Он знал, что эта боль в плече...», что позволит выявить основные доминанты художественного мира этого стихотворения И. Бродского в частности и раннего поэтического творчества в целом. Так, авторами поставлена задача определить роль поэтического иллеизма, приема подмены я-героя на он-героя, который использовал И. Бродский. Научная новизна исследования состоит в обращении к тексту стихотворного произведения И. Бродского, которое прежде не подвергалось научной рефлексии, не становилось предметом специального научного анализа. В результате доказано, что субститутивные тактики вытеснения лирического я-героя объективированным он-героем связаны с намерением автора преодолеть рамки внешнего жизнеподобия и привнести в текст мистические линии иномирного существования, позволяя взглянуть на смерть героя стихотворения в иных аксиологических координатах.

EN

## Narrative Strategies in the Poem “He Knew That the Pain in His Shoulder...” by J. Brodsky

Bogdanova O. V., Baranova T. N.

**Abstract.** The paper is devoted to conducting a plot-compositional, problem-thematic, rhythmic-sound analysis of J. Brodsky’s poem “He Knew That the Pain in His Shoulder...” (1964), which has not been previously subjected to literary analysis, in order to reflect on the categories of the I-persona and the he-persona. The authors of the study set themselves a scientific goal, i.e. to trace the poetic features of the narrative strategies in the poem “He Knew That the Pain in His Shoulder...”, which will reveal the main dominants of the literary world of this poem by J. Brodsky in particular and his early poetic works in general. Thus, the authors set the task to determine the role of poetic illeism, the technique of substituting the I-persona for the he-persona used by J. Brodsky. Scientific novelty of the study lies in involving the text of J. Brodsky’s poetic work that has not been previously subjected to scientific reflection, has not become the subject of special scientific analysis. As a result, it has been proved that the substitutive tactics of displacing the lyrical I-persona by the objectified he-persona are connected with the author’s intention to overcome the limits of external life-likeness and bring mystical lines of otherworldly existence into the text, allowing the researchers to look at the death of the poem’s persona in other axiological coordinates.

### Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления категории повествователя лирического стихотворения, которая в последние десятилетия находится на периферии литературоведческой мысли. Потому цель исследования представляется нам принципиально значимой.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, обратиться к историко-культурной ситуации, в рамках которой было создано стихотворение И. Бродского, и рассмотреть, как внешние факторы повлияли на творческий импульс художника. Во-вторых, выявить поэтологические особенности стихотворного текста, определить его образно-семантическое поле, наметить жанрово-нарративные доминанты. В-третьих, рассмотреть прием иллеизма, вытеснения традиционного для лирического произведения я-героя объективированным образом он-героя, и квалифицировать его влияние на смысловые доминанты текста.

Для осуществления поставленных задач используются следующие методы исследования: историко-литературный, типологический и поэтологический в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани творческого своеобразия поэтического текста И. Бродского.

Материалом исследования явились поэтическое творчество И. Бродского и эссе «Поклониться тени» (Сочинения Иосифа Бродского: в 7-ми т. СПб., 1998. Т. 2; Поклониться тени. 1997. URL: <http://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/poklonitsia-teni-1997.html>). Также в работе привлекались данные энциклопедического словаря «Литературный Санкт-Петербург. XX век» (в 3-х т. / сост. и гл. ред. О. В. Богданова. СПб., 2015. Т. 1).

Теоретической базой работы послужили труды по истории современной русской литературы и вопросам своеобразия поэтического текста И. Бродского (Гордин, 2010; Лосев, 2008; Полухина, 2008; Куллэ, 1996; Богданова, Власова, 2022; Плеханова, 2002; Степанов, 2022; Тюпа, 2005).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его аналитические суждения, текстологические наблюдения, результаты и выводы могут быть использованы при дальнейшем научном изучении современной русской литературы и поэтического наследия И. Бродского, могут быть включены в общие и специальные курсы по истории русской литературе XX и XXI веков в вузовском и школьном преподавании.

## Основная часть

### ***Историко-культурный контекст стихотворения «Он знал, что эта боль в плече...»***

1964 год стал в жизни Иосифа Бродского одним из самых драматичных, был наполнен чередой самых страшных событий, на что указывают и энциклопедический словарь «Литературный Санкт-Петербург. XX век», и ряд исследователей (Лосев, 2008; Полухина, 2008).

2 января, находясь в Москве, И. Бродский узнал, что «Марина Басманова встречала Новый год в компании Бобышева на даче... в Зеленогорске» (Полухина, 2008, с. 86).

13 февраля, на следующий день после возвращения из Москвы, «три человека в штатском задержали Бродского на улице... и увезли в 18-е отделение милиции... поместив в одиночную камеру» (Полухина, 2008, с. 89).

18 февраля – первое заседание Дзержинского суда, по решению которого «Бродский был направлен на принудительную психиатрическую экспертизу в психиатрическую больницу № 2 на набережной реки Пряжки, где провел две недели...» (Полухина, 2008, с. 89).

13 марта – второе заседание суда в клубе 15-го ремонтного строительного управления (Фонтанка, 22). Бродский «приговорен к 5-ти годам принудительных работ на Севере» (Полухина, 2008, с. 92).

13-22 марта – пребывание в тюрьме «Кресты».

22 марта – этапирован на север в тюремном вагоне.

25 марта – Архангельская пересыльная тюрьма.

Середина апреля – Бродского направили «на место поселения в Коношский район Архангельской области... в деревн[ю] Норенская» (Полухина, 2008, с. 97).

Понятно, что человеку даже самого крепкого здоровья перенести череду таких событий было бы весьма трудно. Больное сердце И. Бродского не выдержало. Согласно биографической хронометрии В. Полухиной (2008), 14 февраля 1964 года случился «первый сердечный приступ» (с. 89) Бродского в камере «Крестов». Вызванный тюремный врач «вколлот камфору», и заключенный Бродский остался в камере в одиночестве.

Под датой 25 мая 1964 года значится «Болезнь в ссылке» (Полухина, 2008, с. 100).

26 мая – «получил направление на ВККА для определения трудоспособности, с пометой о госпитализации» (Полухина, 2008, с. 100).

24 июля – ссыльный болен, «обследование Бродского в Коношской райбольнице» (Полухина, 2008, с. 102).

Все обращения И. Бродского к врачам и пребывание в больнице заканчивались одним – «медицинская комиссия признала Бродского работоспособным» (Полухина, 2008, с. 101).

Столь подробный экскурс в события 1964 года позволяет понять, насколько удручающе тяжелым было положение молодого И. Бродского в этот период, и поверить, что его сердце действительно и ощутимо болело. Он жил все это время, страдая духовно и физически.

### ***Стихотворение «Он знал, что эта боль в плече...» в критике***

Стихотворение «Он знал, что эта боль в плече...» было написано И. Бродским именно в 1964 году.

Философски проявляющий себя в поэтическом тексте И. Бродский в стихотворении «Он знал, что эта боль в плече...» оказывается очень *простым* – как в содержательном, в стилевом, так и в языковом плане. В стихотворении изображается смерть непоименованного простого героя, окружающий деревенский фон событий прост и непритязателен, видимой сложности в последних видениях и словах умирающего персонажа нет. Почти по Л. Н. Толстому: «История жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная...» (Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. 1886. URL: <https://ilibrary.ru/text/7/p.1/index.html>).

Вероятно, отчасти поэтому стихотворение «Он знал, что эта боль в плече...» не привлекало внимание критиков и литературоведов. Единственная работа, касающаяся этого текста, – лингвистическая, где сербский исследователь на основе контекстуально-просодической теории Б. Лоу и с опорой на Национальный корпус русского языка прослеживает вариативность устойчивых (модальных – в дефиниции исследователя) выражений типа «Он знал, что...», сопоставляя их реализацию у И. Бродского и в текстах других русских писателей.

Так, М. Милойкович (2019) сравнивает модальный оборот «Он знал, что...» с «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова: «Он знал, что в это же время конвой ведет к боковым ступеням троих со связанными руками, чтобы выводить их на дорогу, ведущую на запад, за город, к Лысой горе...» (и т.д.) – и делает вывод о «расхождении между авторским употреблением... модальных выражений... и их семантических аур» (с. 203). На наш взгляд, в творчестве ярких художников, каковыми являются Булгаков и Бродский, вряд ли можно было бы ожидать чего-либо иного. Но, как бы то ни было, работа М. Милойкович остается единственной, которая опирается на текст «Он знал, что эта боль в плече...». Потому тем более важно проследить поэтические особенности рассматриваемого стихотворного текста.

### Нарративные стратегии стихотворения И. Бродского

Форма наррации, которую избирает И. Бродский в поэтическом тексте «Он знал, что эта боль в плече...», не традиционно лирическая (от лица я-персонажа), но объективированная – повествование ведется от 3-го лица, герой репрезентирован как «он»:

«Он знал, что эта боль в плече  
уймется к вечеру, и влез  
на печку...» (Бродский, 1998, с. 98).

Антураж событий («ближние деревни»), «образ места» (деревенская изба, крестьянская печь), форма одежды (телогрейка) могут породить представление о том, что речь идет о персонаже стороннем, не я-повествователе, не alter ego автора. Именно так и представлен герой в исследовании М. Милойкович (2019), которая пишет: «Герой Бродского – одинокий человек, который всю жизнь провел в работе» (с. 203-204), – исходя из чего можно заключить, что о близости героя и автора речи не идет. Однако это не так.

С нашей точки зрения, И. Бродский сознательно уходит от субъективизма лирической наррации, чтобы объективировать рассказ, придать соотношению «я – он» больше дистанцированности и тем самым эпизировать личностные переживания героя через их «типизацию» и прозаизацию, через разговор о себе как о другом, о личном как о внешнем. С одной стороны, глубина физических болей, пережитых героев, вряд ли могла быть столь точно передана сторонним наблюдателем, с другой – стратегия формальной объективации позволяла автору подняться над конкретикой событий и художественно глубже отразить их.

Для лирического текста форма он-наррации не характерна, она вводит в лирическое стихотворение отстраненность и повествовательность, привнося в сферу лирического переживания некую сюжетную нить, ощущение последовательности и временной протяженности изображаемого. То есть того, что в литературоведении называется балладностью (балладой), жанром лироэпического статуса с отчетливой сюжетной линией. Именно так и происходит в «Он знал, что эта боль в плече...» – лирическое элегическое чувство перерастает в балладный (сюжетный) рассказ о последних часах некоего он-героя, сращивая субъективное и объективное, антропологическое и антропоморфное, реальное и ирреальное, конкретное и иллюзорное. Прозаические интенции превалируют.

Повествование начинает развиваться в атмосфере реалистических событий:

«Он... влез  
на печку, где на кирпиче  
остывшем примостился, без

движенья глядя из угла  
в окошко, как закатный луч  
касался снежного бугра  
и хвойной лесопилки туч» (Бродский, 1998, с. 98).

Повествование исключительно предметно и реалистично: *печка, кирпич, окно, угол, даже лесопилка*. Посредством глаголов *влез, примостился, глядя* образ героя зрительно контурирован. Между тем поэтическая семантика реалистических деталей знаменательна, характерологична и онтологична.

Кирпич на печи – *остывший*.

Герой примостился – *без движения* (причем анжамбеман, использованный в данном случае, *без / движения* акцентирует замирание, отсутствие движения героя и движения вокруг него, т.е. замирания, близкого к метафорическому умиранию).

Закрытое суженное пространство угла противопоставлено широкому простору за *окном*.

Луч солнца, видимый героем, – *закатный* (метафора *заката жизни*).

Бугор – с одной стороны, реалистически *снежный*, холодный, с другой – метафорически сдвинутый, метонимически подменяющий бугор земли на аллюзийной свежей могиле (свежий // снежный).

Казалось бы, лесопилка – точная объективная зримая реалья. Но и она метафорически окрашена – поэт использует эпитет «*хвойная*», т.е. распиливающая хвойные стволы, но, как известно, хвоя, лапы ели – традиционный индикатор похоронного ритуала, в славянском сознании служащий синонимом пальмовых ветвей.

Образ *туч* над лесопилкой (туч хвойной пыли) усиливает нагнетание атмосферы темноты (печного угла) и сгущающихся сумерек («вечера») за окном.

Реалистический повествовательный план двух первых строф постепенно, от строфы к строфе, размывается, растушевывается – в каждой последующей строфе становится все более субъективированным, выходит за пределы реального предметного мира. В повествовании актуализируются мистико-мифологические реалии. Предупреждением о внутритекстовой трансформации служит противительный союз *но*:

«Но боль усиливалась. Грудь  
кололо. Он вообразил,  
что боль способна обмануть...» (Бродский, 1998, с. 98).

Боль обретает антропоморфные черты – она «способна обмануть». Возникает стойкое ощущение диалога героя с болью: «боль / всегда учила жить...».

Союз «но» сигнализирует, что теперь все не так, как прежде, все изменилось. Сильная, открывающая строку позиция союза («Но / боль усиливалась») требует акустического вздоха, тем самым акцентируя семантику противительного значения союза, демонстрируя необычность и неожиданность происходящего. Ударное открытое *о* в составе союза, за которым следуют краткие, преимущественно односоставные слова (*бóль*), повторяется в последующих одно-лексемах – *грудь / он / боль<sup>2</sup> / что<sup>2</sup>* – и акцентированно «переполняет» многосоставные слова: *способна, вообразил*, в последнем из которых даже безударная позиция гласных *о* заставляет произносительно их выделить и подчеркнуть (*во-о-бразил*). Звук *о* словно пронизывает всю третью строфу, заставляя услышать (подслушать) *стон* лирического персонажа.

Гласный *о* соседствует в следующей строфе с гласным *и*: *сил, перенести, испуган, приподнял, жить*. За счет узкого и высокого гласного звука в текст привносятся и начинают ощущаться острота и пронзительность боли, которую испытывает герой. Переключки *о* и *и* поэтически выстраивают звуковой ряд *языка боли*, того диалога, который герой ведет с почти-персонифицированной б(Б)олью.

Каждая последующая строфа чередует гласные *о* и *и*, аккумулируя их нагнетание переходом в том числе звукового образа буквы *е* в звук *и* (*т[и]перь, с[и]бя* и др.):

«Но боли не хватило дня.  
В доверчивости, чьи плоды  
теперь он пожинал, вина  
себя...» (Бродский, 1998, с. 98).

Существительное *боль* закономерно «почти семантически» смыкается с существительным *игла*, по сути своей не трансформируя образ, но поддерживая степень остроты переживаемой героем боли:

«...так была остра игла,  
что даже и на свете том  
– он чувствовал – терзать могла» (Бродский, 1998, с. 98).

В стихотворение входит мотив «того света» («на свете том»), который, прежде чем быть развитым и завершенным, эксплицирует антитезу: *смерть ↔ жизнь* (аналоги: *свет ↔ тьма, тепло ↔ холод*). И в ряд намеренных в тексте контрастов вступает еще один: *лето ↔ осень, тогда ↔ теперь*.

Мучимый сердечной болью герой вспоминает август – покосы, заготовку сена на зиму. В ходе анализа можно было бы ограничиться констатацией этих (скорее всего) имевших место в реальности воспоминаний персонажа. Однако в контексте поэтического творчества И. Бродского отдельные слова, образы, мотивы нередко обретают собственную семантическую значимость, сущность, становятся *автоинтертекстами*, когда совокупный метатекст эксплицирует важные для поэта особые и особенные смыслы и ценности. На наш взгляд, одним из таких автономных образов/слов/понятий, т.е. одной из маркированных автоинтертекстов у Бродского становится лексема *август* и, как следствие, производный от календарного существительного (и от Байрона) образ *Августы*.

Как известно, «Новые стансы к Августе» были написаны И. Бродским именно в 1964 году, в начале осени этого года (Колобаева, 2013; Богданова, Власова, 2022). То есть образ Августы уже был актуализирован Бродским, поэтически визуализирован и образно воплощен в пространстве стихотворного текста. На наш взгляд, в стихотворении «Он знал, что эта боль в плече...» воспоминание об августе семантически значимо и могло служить поэту нестрогой апелляцией к образу Августы. Как и в ряде других случаев, Бродский избегает прямых сравнений и открытых сопоставлений: его страдающий от сердечной боли герой не обращается впрямую (мысленно) к возлюбленной, но словно бы невзначай вспоминает об августе, заставляя пробудить в сознании мысль о возлюбленной Августе.

Заметим, воспоминания об августе значимы для героя (и автора) не только в плане реинкарнации затекстового (и подтекстового) образа Августы, но и в попытке персонажа произнести вслух некое имя, по его словам, название «одной из ближних деревень». Трудно сказать, что имел в виду И. Бродский, но можно предположить, что одна из коношских деревень действительно могла иметь название, созвучное с существительным *крик* (финно-угорские топонимы этих мест явно привлекали поэта). В свою очередь, название деревни от «крик» порождает акционный глагол «кричать», и в тексте стихотворения актуализируется новый звуковой ряд, опирающийся теперь на согласные звуки: *вслух, потух, вверх, хотя, не находя*. Глухой согласный *х* доминирует. Его обилие в приведенных выше словах позволяет расслышать звучание последнего вздоха, точнее выдоха умирающего героя:

«А на  
кого кричать, что свет потух,  
что поднятая вверх копна  
  
рассыплется сейчас, хотя  
он умер» (Бродский, 1998, с. 99).

Сильный голосовой звук уже не доступен лирическому герою – крик не прозвучал, но вслед за безмолвием «свет потух». Если ранее в VII строфе прозвучало упоминание «того света», то теперь существительное «свет» вступает в новую корреляцию и обнаруживает, что потухла, угасла не вечерняя заря, а «этот свет» потух, померк, исчез из сознания. Анжамбеман «хотя / он умер», реализованный в рамках двух строк, акцентированно выводит в сильную ударную позицию заключительное суждение-констатацию – «он умер», герой умер.

Примечательно, что если вернуться к предшествующим строкам стихотворения И. Бродского, то без малейшего ущерба местоимение в 3-м лице *он* может быть заменено в них формой перволичного местоимения *я*:

[Я] знал, что эта боль в плече...  
[Я] вообразил, / что боль способна обмануть...  
[я] голову приподнял...

И только в финальной строке «он умер» в рамках реалистических координат И. Бродского (и весьма правдоподобных обстоятельств сердечной боли) местоимение *он* вряд ли может быть заменено на местоимение *я*.

Напомним, что прием подмены *я* на *он* в лингвистике носит название «иллеизм» (от лат. *ille* «тот») – речь о самом себе в 3-м лице. По утверждению специалистов, иллеизм обеспечивает объективность описания, позволяет автору дистанцироваться от себя как участника изображаемых событий, т.е. предоставляет возможность посмотреть на себя «со стороны». В случае с И. Бродским, по нашему мнению, идея отказа от собственного *эго* и демонстрация внеличностной объективности необходимы поэту в том числе и затем, чтобы логически завершить описание испытываемой, переживаемой героем сердечной боли, довести процесс до финального конца, связать изображаемые обстоятельства со смертью персонажа непосредственно и окончательно. Если в предшествующих стихах 1960-х годов Бродский нередко подводил лирическое повествование к мысли о гипотетически возможной смерти героя – «Стансы», «Шествие», «Горбунов и Горчаков», «Строфы» и др. (Богданова, Власова, 2022), то теперь ситуация смерти реализована видимо, наглядно, визуализированно – герой (*он*) умер. Моделируемые условия наблюдения «со стороны», присутствия латентного повествователя при уходе/смерти героя подвигли автора произвести «личностную» субституцию *я/он* и в продолжение всего стихотворения выдерж(ив)ать *он*-наррацию, тем самым привнося в текст атмосферу экзистенциальности. Речь о себе переводится Бродским в ранг речи не о себе, внутреннее – во внешнее, субъективное – в объективное. Иллеическая стратегия изобразительного ракурса (*он* вместо *я*) позволяет поэту трансформировать восприятие, договорить то, что было бы невозможно при *я*-наррации.

Однако одновременно «заместительный» поэтический ход обеспечивает смену перспективы и в ином направлении, допускает проникновение в реалистический контекст диффузии мистического – здоровые объективные факты окрашиваются и дополняются метафизическими нюансами:

«Только боль, себе  
пристанца не находя,  
металась по пустой избе» (Бродский, 1998, с. 99).

Уход героя в «тот свет», переход в инобытие, сопровождается приходом в «этот свет» «олицетворенной» боли, антропоморфного образа, наделенного способностью *быть*. Полюса ранее намеченных контрастов (жизнь/смерть, свет/тьма, холод/тепло, живое/мертвое) смещаются, диффундируют, перемешиваются. Система бинарных оппозиций рушится. Сцена реальной смерти героя перерастает рамки внешнего правдоподобия, делокализуется и вбирает в себя мистические линии иномирного существования, позволяя взглянуть на смерть героя с других позиций. Аксиологические рамки события раздвигаются. Бытовая картина простого мира обростаёт бытийными коннотациями.

### **Тень Одена в тексте И. Бродского**

В условиях полицентрической установки текст И. Бродского предлагает новые коды восприятия происходящего. И на новом этапе семантизации поэтического пространства на первый план выходит интертекстуальная аллюзийность, ориентированная на имя У. Х. Одена.

В эссе «Поклониться тени» И. Бродский (1997) рассказывал, что именно в 1964 году в Норенской он впервые познакомился с английскими текстами У. Х. Одена и ощутил ментальное родство с поэтом. Именно Оден породил в Бродском созвучную обоим художникам мысль – «Верь своей боли...» (подстрочный перевод Бродского оденовской строки из «Море и зеркало»). Не на уровне заимствования, но на уровне поэтической конвергенции Бродский (1998) обыгрывает эту мысль в стихотворении «Он знал, что эта боль в плече...» – его боль (боль его героя) обретает черты персонифицированного субъекта, она диалогически активна (она «всегда

учила жить»), и именно к ней обращен мотив веры/доверия: «В доверчивости, чьи плоды / теперь он пожинал...» (с. 98). Контуры Одена проступают за строками Бродского.

Смерть *я* (частный мотив), шире – смерть *он* (объективный мотив) в оденовском контексте прирастает ощущениями боли и смерти поэтических *других* (экзистенциальный мотив). Концентрические круги семантического поля стихотворения И. Бродского множатся и расширяются, подчиняются «безотказному движению искусства» (Бродский, 1997).

С появлением в тексте И. Бродского тени Одена смысловые сферы стихотворения «Он знал, что боль в плече...» подчиняются новым корреляциям, изменяют исходную модальную установку, делокализуют ассоциативные цепочки. Субъектная перспектива главного героя обретает более широкий аспекттивный ракурс, утрачивает смысловую однозначность и одновекторность. Эпизод оказывается организованным не кажущимися *простыми* реалиями, а универсальными проекциями, вбирающими в себя бытовое и бытийное, конкретное и надмирное, логически выверенное и мистически ирреальное. Субституция *я* → *он* обобщается до универсалии *я* → *они*. Смена повествовательной стратегии существенно корректирует ракурс восприятия происходящего, смещает перспективу семантико-смысловых кодов.

## Заключение

Итак, можно заключить, что в стихотворении «Он знал, что эта боль в плече...» Иосиф Бродский весьма своеобразно воплотил характерную для его поэтического творчества тему смерти. Впервые субъект лирического повествования обозначен автором не как *я*-герой, но как *он*-герой. Впервые мотив смерти переходит с уровня ожидаемой смерти/ухода на уровень изображения видимой, наблюдаемой «со стороны» картины смерти. Как показано в работе, именно переход на иллеический субститут *я/он* помогает Бродскому осуществить подобного рода трансформации, кардинально изменяет характер дискурсивного выражения, позволяет перевести уникальность *я* в бесконечное множество *он* (*они*). Осуществленная поэтом в тексте стихотворения «Он знал, что эта боль в плече...» нарративно-личностная переподстановка позволила художнику представить частное и личное в качестве надперсонального и универсально значимого, перейти из сферы индивидуального сознания в сферу общечеловеческого.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении как самого текста малоизученного стихотворения И. Бродского, так и в акцентуации важных слагаемых его поэтологии, в частности в обращении к вопросу жанровой диффузии, совмещения дискурсов лирического и эпического, рассмотрении вопроса о смешении жанровых признаков элегии и баллады. Обращение к разнообразным ракурсам стихотворения «Он знал, что эта боль в плече...» позволит расширить представление о творческой одаренности талантливого поэта – нобелевского лауреата Иосифа Бродского.

## Финансирование | Funding



Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01671 (<https://rscf.ru/project/22-28-01671/>); Русская христианская гуманитарная академия.



The reported study was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 22-28-01671 (<https://rscf.ru/project/22-28-01671/>); Russian Christian Humanitarian Academy.

## Источники | References

1. Богданова О. В., Власова Е. А. Поэтические миры Иосифа Бродского. СПб.: Алетейя, 2022.
2. Гордин Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: о судьбе Иосифа Бродского. М.: Время, 2010.
3. Колобаева Л. А. Цикл «Новые стансы к Августе» И. Бродского. Ценностные начала // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2013. № 3.
4. Куллэ В. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957-1972): дисс. ... к. филол. н. М., 1996.
5. Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008.
6. Милойкович М. Иосиф Бродский: модальность как прием // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 3.
7. Плеханова И. И. Преображение трагического: метафизическая мистерия Иосифа Бродского: дисс. ... д. филол. н. Иркутск, 2002.
8. Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2008.
9. Степанов А. Г. Что слышит поэт? Бродский и поэтика переключек. М.: ЯСК, 2022.
10. Тюпа В. И. Нобелевская лекция Бродского как манифест неотрадиционализма // Иосиф Бродский: стратегии чтения: мат. междунар. науч. конф. (г. Москва, 2-4 сентября 2004 г.) / редкол.: В. Полухина, А. Корчинский, Ю. Троицкий. М.: Издательство Ипполитова, 2005.

**Информация об авторах | Author information****RU****Богданова Ольга Владимировна<sup>1</sup>**, д. филол. н., проф.**Баранова Татьяна Николаевна<sup>2</sup>**<sup>1,2</sup> Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург**EN****Bogdanova Olga Vladimirovna<sup>1</sup>**, Dr**Baranova Tatiana Nikolaevna<sup>2</sup>**<sup>1,2</sup> A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg<sup>1</sup> [olgabogdanova03@mail.ru](mailto:olgabogdanova03@mail.ru), <sup>2</sup> [bysinka27@mail.ru](mailto:bysinka27@mail.ru)**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 07.09.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

**Ключевые слова (keywords):** И. Бродский; стихотворение «Он знал, что боль в плече...»; прием иллеизма; я-герой и он-герой; J. Brodsky; poem “He Knew That the Pain in His Shoulder...”; technique of illeism; I-persona and he-persona.